

*Посвящается моей семье и всем
предпринимателям, занятым
челночным бизнесом.*

Часть 1

Глава 1

Молитва тополя

— Очень вкусный суп. У тебя всегда вкусный суп. И на девятый день, и на сороковой. Видно, что мяса не пожалела. Твоей матери на том свете сытно и тепло будет, раз мяса не пожалела.

— Спасибо, спасибо, — кивала Ася.

Она убрала тарелки, поставила перед Сагадат апой чайные чашки в глубоких блюдах.

— Души там часами стоят в очереди, — старушка макнула хлеб в сметану и продолжила: — Толкаются сиротиночки в толпе новопредставленных. А ведь неизвестно, какая погода на небесах. Стоят и в снег, и в стужу, ветрами небесными замороженные, голодными, холодными предстают перед Всевышним.

Ася наполнила чашку чаем, придвинула гостье молочник.

— А ты уверена, что я хочу чай с молоком? — Сагадат апа потянулась за конфетой, но потом передумала, положила руку рядом с блюдцем.

Ася не услышала вопрос, она просто добавила в чашку молока и присела рядом.

— Молока не надо, у меня от него понос, — Сагадат апа специально сказала грубо, чтобы вывести Асю из какого-то туманного оцепенения. Ася не отреагировала.

В доме Загребиных было тепло, аромат пирогов заполнил всю комнату, проник даже в темные углы. Только-только стало смеркаться, сквозь запотевшие окна просочилась розовая полоса заката. Она отразилась в пустом графине, протянулась неровной полосой через мятые салфетки.

За длинным общим столом сидят две женщины в совершенно разных позах: одна — монументальная скульптура, волосы забраны под калфак, на плечах зеленый камзол в золотых оберегах, вторая женщина — молодая, голова ушла в плечи, руки судорожно охватили чашку. Если бы не горе, которое накрыло серой пеленой, ее можно было бы назвать красивой, спокойной и ясной.

— Думаешь, что поступила правильно?

— Да! — вскинулась Ася.

— Это ведь ты обрекла мать на муки.

Ася уронила чашку и разрыдалась. На скатерти растеклось бурое пятно пролитого чая.

Сагадат апа знала, что так будет. Она выпила чай, перевернула пустую чашку в блюдце, отодвинула. Женщина давно привыкла, что молодое поколение не верит старикам, поэтому особо молодежи и не сострадала. Хотя у Аси был другой случай.

— Не ной! Все можно решить, если твоя мать простит и подскажет.

— Это правда? — Ася подняла голову.

— Ладно, — чуть помедлив, сказала Сагадат апа, — посоветую, если обещаешь меня слушаться и хорошо вести.

— Сагадат апа, — вздохнула Ася с утомленно-досадливым видом человека, обреченного выслушивать переизбыток наставлений, — это совершенно излишне.

— Как знать, как знать. — Сагадат апа привстала, потянулась к тарелке с беляшом. Ася услужливо придвинула. Под хлебной пластиной все еще теплилась картошка с гусем и говядиной. Самое время, чтобы подцепить вилкой подложку беляша, которая уже пропиталась мясным бульоном и жиром.

Сагадат апа скрутила ломтик пшеничного теста в валик и с удовольствием отправила в рот. Жевать стала не сразу. Сначала крепко сомкнула губы, затем затихла, словно не пробовала, а слушала. Жевала она тихо, и, казалось, ничто не может заставить ее ускориться.

Вообще-то Ася была рада медлительности старухи. Долгое ожидание оттягивало узнавание подсказки, неизвестно еще, что старуха выдаст, какую волну знаний обрушит на голову Аси. Может, эта подсказка окажется таким выкрутасом, что мало не покажется, и Ася вновь прослезилась.

Сагадат апа запила беляш двумя большими глотками молока.

— Я знаю, ты уже вполне разумная кыз, — начала она и внимательно взглянула на Асю, словно намекая, что есть еще время одуматься.

— Я так больше не могу, — заявила она в ответ.

Смерть матери принесла радость облегчения. Нет, Ася не желала ей смерти, но и такой жизни тоже не желала. И точно знала, что во всех страданиях матери были виноваты обе.

— Через три дня сходи в баню, заплети волосы в косу, спать ляг ровно в девять, запомни все, что во сне тебе скажет мать.

Ася ждала продолжения, но Сагадат апа прочитала молитву и тяжело встала из-за стола.

— Учти. Из-за подсказки тебе я укоротила свою жизнь на три года. Три... — уточнила тремя растопыренными пальцами. — За это похоронишь меня по мусульманскому обычаю.

— Но...

— Не болтай попусту, — отмахнулась старушка от Аси, как от назойливого комара. — Зови Руслана, пусть отвезет меня к Верке. Может, успею попрощаться. Хотя Верка не помрет, пока меня не дождется.

Сагадат апа говорила про свою подругу, с которой дружила вот уже восемьдесят два года. Они спорили, ругались, но неизменно мирились и на все приглашения отзывались вместе. Поминки по Асиной матери были первыми, которые Сагадат апа провела в одиночестве.

— Спасибо, — Ася обняла старушку за плечи.

— Со мной поедешь, — заявила та и улыбнулась.

Асе эта затея совсем не понравилась. Понятно, что Сагадат апа хочет попрощаться с подругой, но Ася здесь при чем?

Она отрезала остывший кусок беляша, положила в пакет. В другой пакет положила конфеты, урюк, пончики. Она не очень верила в смерть бабы Веры. Всякое бывает — приболела, давление скакнуло. Не раз убеждалась, что старики такие паникеры, поднимают хай-вай на пустом месте, ты несешься на всех парах через весь город, а там — на другом конце — просто обида и одиночество. Ася завернула пачку чая в красный платок, завязала пакет двумя мелкими узлами.

— Чего ты там? — заглянул в дверь Руслан.

— Иду, иду.

— Я ее никогда не видела мертвой, — хлопнула дверцей машины Сагадат апа.

Ася удивилась. Что за странное выражение. Естественно, никогда не видела, да и не могла.

— У нее обязательно должно быть умиротворенное лицо, как будто спит или ест варенье. А я смогу приобрести опыт смерти и словно увидеть свою смерть при жизни. Я буду так же лежать, как Верка, а кругом будет полно народу.

Никогда улицы города не были такими черными: фонари не горели, огоньки в окнах были слабыми и тусклыми, мокрый асфальт поглощал свет фар. Руслан знал дорогу, как свое имя, но все равно двигался осторожно, в случае опасности мог легко притормозить или свернуть на обочину.

— Вымерли все, что ли? — вглядывался он в темноту и протирал стекло тряпкой.

— А то! — улыбалась Сагадат апа.

От ее улыбки шел какой-то ледяной поток жуткости.

Руслан увидел ее в зеркале, остановил машину, долго протирал фары, курил. Из открытой двери потянуло холодом. Или не от двери. Холодом тянуло от Сагадат апы.

Ася не боялась таких моментов. С матерью последнее время это происходило довольно часто. От инсульта,

лишенная дара речи, она тонко и гневно что-то кричала-мычала, даже пыталась сжать сморщенные синюшные кулачки, похожие на проросшую картофелину, порой ее лицо сводило судорогой, оно менялось, гримасничало, тело дергалось и иногда сваливалось с кровати. Хоть мать и высохла до размеров мумии, одной поднимать было тяжело.

Это очень выматывало, больше психологически, чем физически. После очередного приступа Ася осторожно подкладывала руку под невесомую голову матери, приподнимала ее и подносила к губам воду. Мать отплеывалась и прожигала взглядом или обрушивала на Асю ледяной поток ненависти. В ее уже бесполезном теле жили только глаза. Они сверкали, требовали ответа — Ася не соглашалась...

Руслан постоянно тормозил, Ася то и дело чуть не тюкалась лбом в лобовое стекло.

— Аккуратнее, — уже теряла терпение и оглядывалась на заднее сиденье к Сагадат апе. Все та же улыбка жуткости. — Тише.

— Пристегнись! — буркнул Руслан. — Сидишь болтаешься.

— Мы не одни.

— Затк... Да чтоб за... Где свет? — с трудом сдерживался Руслан.

Больше всего, конечно, поражала тишина. Ни потока машин, ни голосов людей, ни шума шагов, ни шелеста деревьев, ни звука.

Где-то на полпути красным глазом загорелся светофор.

Показалось, что простояли на нем четверть часа — как под неустанным оком обвинителя.

— Да чтоб вас! — ругнулся Руслан, барабанил пальцами по рулю. Он давно бы уже проскочил на красный, но боялся гаишников. Штрафы бесили его еще больше.

Руслан был хорошим мужем: внимательным, деловитым. Все считали, что Асе очень повезло. Познакомились в институте на перемене. Пришел из армии, восстановился

на третьем курсе. Худой, растерянный, хотя в глазах светилась доверчивость и ненасытное любопытство.

Ася — пухлая, легкая, коса ниже пояса, кудрявая непослушная челка. Повиновалась одному рефлексу: понравиться, очаровать. Для Руслана стараться не стала — не почувствовала доверия. У нее это произошло неосознанно. Оценила пустым взглядом, который Руслан уловил, запомнил...

— Поехали, — потребовала Сагадат апа.

Между Русланом и Асей натянулась невидимая нить. Они семья — единое целое. Чтобы понимать друг друга, им не нужны слова, лишние взгляды. Сглаживая беспокойство Руслана, Ася коснулась его руки.

Отстояв минуту, Руслан все-таки тронулся с места. И тут красный изменился на желтый.

— Здесь направо, в арку, налево, вперед. Тормози, — строила маршрут Сагадат апа.

Домофон не ответил. Прошла вечность, пока дождалась случайного соседа, выходявшего из подъезда.

— Какой этаж? — спросила Ася.

— Четвертый, десятая квартира.

Сагадат апа поднималась медленно, словно боялась увидеть в квартире то, ради чего туда стремилась. Тем не менее добралась до площадки четвертого этажа и установилась на Асю, которая прислушивалась к двери.

— Что там?

— Не открывает.

— Еще звони, — приказала старуха.

Ася позвонила раз пятнадцать.

Сагадат апа прошептала молитву, из кармана зеленого камзола вытащила ключ.

— Открывай.

При входе в квартиру сразу ударил стойкий запах старых ковров, кислой капусты, многотонной пыли и выгоревших обоев. Это был привычный запах грязного, изношенного помещения, и сегодня он порадовал Асю, потому что был без примеси тлена человеческого тела.

Они прошли по коридору, побывали в зале, прежде чем вошли в спальню и наконец увидели Верку на ложе, воздвигнутом посреди комнаты. Подойти можно было только к изножью, с одной стороны стояла кровать, с другой — диван. Оттуда, где они сейчас стояли, лицо Верки невозможно было разглядеть, только угадывалось маленькое тело под белой простыней с торчащими вверх носками. На груди лежал обычный кухонный нож. Ася потянула Сагадат апу за рукав.

— Схожу за Русланом.

— Стул дай.

Ася придвинула шаткий стул.

— Зачем нож? — не удержалась от вопроса.

— Чтоб кишки не гнили. — Сагадат апа тяжело опустилась на стул, сложила руки на коленях. — Верка неправильно лежит. Надо головой на восток.

Комната была такой маленькой, что по-другому выставить ложе не получилось бы, если только положить его поперек кровати и дивана. Но как? Ася заглянула под ложе и обнаружила, что это была белая дверь, снятая с петель и установленная на двух табуретах. Пока Ася присматривалась, случайно дотронулась до Веркиной стопы. Она показалась мягкой и теплой.

— Она живая! — пугая саму себя, произнесла Ася.

— Ясное дело, а ты думала — померла?

Хотя сказано это было насмешливым тоном, Сагадат апа была глубоко взволнована и напугана. Она ухватила Веркину стопу и стала тихонько трясти и пощипывать.

— Давай вставай.

Верка оставалась безмолвной.

У Аси закружилась голова. Увидеть бабу Веру живой оказалось сложнее, чем мертвой. Разумеется, Ася оценила момент — сама любит пошутить, слегка приврать, но она слишком уж реалистична, чтобы позволить себе такую выдумку.

«Ну, старухи! Каков репертуар! Завидую вам, живете выше рассудка».

— Давай, давай! — Сагадат апа сдернула простыню. Нож упал на диван, Сагадат апа не обратила на него внимания, а лишь пристально взгляделась в Веркино лицо. Ждала, что сейчас разомкнутся ее веки, грудь приподнимется при вдохе.

Верка так и сделала: улыбнулась, открыла глаза и вновь закрыла.

Ее сморщенное лицо стало безмятежным, старческие руки, скрещенные на груди, обмякли.

Сагадат апа протянула руку, слегка похлопала Верку по плечу, по голове, по рукам.

— Ну все, все, хватит, — стала уговаривать она подружку, — хватит шутить. Вставай!

Время шло и уходило, а вместе с ним уходила надежда. Разумеется, Сагадат апа уже понимала бесполезность своих слов. В какой-то момент она уткнулась головой в Веркину грудь и заплакала.

Асю побрала дрожь от мысли, что Верка действительно их ждала. Дождалась и умерла.

— Я все-таки схожу за Русланом. — Ася чувствовала, что ей надо выйти из квартиры, успокоиться, глотнуть воздуха холодной ночи. Сагадат апа никак не отреагировала.

Ася села в машину, осторожно прикрыла дверь.

— Чего там? — спросил Руслан, хотя уже все понял по тому, как дрожит Ася, и по белым сцепленным кулачкам. — Испугалась? — сказал доброжелательно — не такой это был момент, чтобы покрикивать.

Время остановилось, но все равно его не хватало. Ей хотелось еще и еще отодвинуть тот момент, когда надо будет решать вопросы похорон. Она понимала, что все равно этим придется заниматься им — больше некому. У бабы Веры один сын, двадцать лет назад эмигрировал в Америку, помогал матери деньгами, и все. На похороны точно не приедет.

Во всем доме темнота и тишина. Свет горел только в далеком окне четвертого этажа. Окно было открыто красными шторами. Асе показалось, что их

назначение — специально создавать страх и печаль, неизбежные атрибуты небесного покоя. Ася сделала важное открытие. Стоило на два шага отойти от машины, чуть приподнять голову — и сквозь ветви тополя можно увидеть клочок неба в звездах, одинокое окно, похожее на квадратное красное солнце. По правде говоря, картина не очень интересная и понятная, но Ася была рада и этому.

Сагадат апа сидела на стуле в любимой позе монументальной скульптуры. Волосы, распущенные пенным потоком по спине, сливались с белой длинной рубашкой. Калфак и зеленый камзол с золотыми оберегами аккуратно сложены на кровати. К чему все это? Может, какой-то неведомый ритуал? Трудно сказать, что она задумала. Вместо того чтобы оплакивать подругу, проделала свой маневр и теперь, невинно и не таясь, предстала в исподнем белье перед Асей и Русланом. Когда они зашли в комнату, она не шелохнулась. На лице жесткая улыбка, улыбка-гримаса, которая появляется на губах у человека, когда его вдруг опалило горем и он стремительно пытается с ним справиться. Возможно, она читает молитву.

Уже несколько раз Руслан пытался привлечь внимание Сагадат апы и заходил то справа, то слева, задавал вопросы. Было очень странно за этим наблюдать. Асе казалось, что ответ будет такой силы, что сразу обрушится потолок. В комнате повисло, разлилось какое-то особое напряжение, словно все пространство заполняло бесконечное множество притаившихся теней, которые пока бездействуют, но стоит Сагадат апе произнести слово, как они проявятся и превратятся во что-то катастрофически мощное и непоправимое. И до этого всего одно мгновение.

Руслан присел на край дивана.

За окном поднялся ветер, по мрачному стеклу стали скользить ветки и листья тополя. Они отливали тонкой матовой белизной, словно светились любопытством. Это вызывало у Аси легкое удивление. Тополь шелестел, как будто требуя объяснения. Он монотонно царапал ветками стекло в такт легчайшему для слуха звуку, который

скрывал вопрос, недоумение. Скоро слабый шорох превратился в ритмичные удары. Чудилось, что ветки барабанили, вторя воинственным шагам. «Бум! Бум! Бум!»

Сагадат апа очнулась, подняла голову. Казалось, готова была отпрянуть назад, но вместо этого пристально поглядела на Руслана, и ее выцветшие глаза просияли, будто он ей сказал что-то хорошее.

— Поверните ее.

Руслан не услышал, а скорее прочитал по губам, так тихо она это сказала.

С трудом справились. Повернули так, чтобы баба Вера оказалась головой на восток. От разности высот кровати и дивана ложе перекошило, ноги усопшей оказались чуть выше головы. Пришлось подкладывать под дверь со стороны головы дополнительное возвышение. В ход пошли книги, тряпки, подушки.

Ася уже не чувствовала спины. Сама дверь была тяжелой, а с телом она становилась и вовсе неподъемной. Вот уже больше суток Ася на ногах, от усталости каменело все, кроме соленых слез, катившихся по щекам.

Сагадат апа медленно поднялась, потрогала край ложа, словно опробовала его устойчивость.

— Может, снять другую дверь, на одной не уместимся, — складки у рта стали резкими и пронзительными. Ни тени улыбки, чтобы заподозрить шутку.

Ася вдруг почувствовала раздражение, которое росло, не останавливаясь.

Сагадат апа присела на ложе, оно угрожающе накренилось, вслед шевельнулось тело покойной. Она удержала Верку, медленно поднялась.

— Надо вторую дверь, — губы Сагадат апы тронула вымученная улыбка.

— Хватит уже, — выдохнул Руслан, глядя на старуху. — Нашла время шутить.

— Надо вторую дверь. — Она смотрела, как маленький ребенок, который знает всего три слова и повторяет их опять и опять в надежде, что кто-нибудь его наконец

поймет. Голос у нее был тихий и спокойный. Губы и щеки постепенно белели и деревенели, и она говорила все медленней, проглатывая последние звуки. — Надо втору...

Руслан горестно вздохнул не в силах что-либо понять.

Дверь решили снять в зале. Пока думали, дергали, Сагадат апа покорно сидела на краю дивана. Она уже напоминала скорбный призрак, которого задерживают на земле эти нерасторопные люди. Видно, что она делает огромные усилия, которые превышают возможности тела, вдруг утратившего силу жизни.

Потом действие стало разворачиваться очень быстро. Быстро уложили дверь, простынь, старуху.

— О Аллах, Сагадат апа. Что ж ты творишь? С ума сошла, что ли?

Ася кинулась подкладывать полотенце под голову старухи, Руслан суетился, пытался заговорить, но подбородок дрожал, не давал разомкнуть губы.

Сагадат апа тихо сжала Асину руку, с трудом выдавила из груди:

— Три дня...

— Чего? Что? — бормотала Ася, зубы у нее стучали.

— ...Я не успела... — сухая ладонь старухи разжалась.

Первый раз в жизни Руслан с Асей, дрожа, мостятся друг к дружке, бок о бок, плечом к плечу — в первый раз они прочувствовали беспомощность этого мира перед другим, неведомым.

Руслан приложил свою загрубелую ладонь ко лбу старухи — никаких признаков жизни, лоб был таким же, как и все остальное тело: холодным и чужим.

Ветер за окном усилился, ветки и листья тополя бились в стекло. Они словно шептали молитву по усопшим.

Руслан позвонил в скорую, оттуда его звонок перенаправили в милицию.

Через четверть часа появился молодой, на вид совсем мальчишка, участковый, увидев одновременно два тела, удивился, еще больше удивился рассказу Загребиных. Он честно пытался вникнуть в эту историю и по несколько